

А.А. ПЕЛИПЕНКО

ПРОБЛЕМА ТРАНСПЕРСОНАЛЬНОСТИ И ТРАНСЦЕНДИРОВАНИЯ В СВЕТЕ ГИПОТЕЗЫ ПСИХОСФЕРЫ. Часть 1.

Состоящая из двух частей, статья А.А. Пелипенко посвящена комплексу вопросов, поднятых в статье Ю.М. Резника и связанных с проблемой трансцендирования и трансперсональности. Исходя из собственной концепции психосферы как области сопряжения и медиации между биосистемой и антропосистемой, автор рассматривает глубинные основания потребности человека в трансцендировании и когнитивные режимы соответствующих культурных практик в контексте системной эволюции культуры и глобальных межсистемных связей. Разворачивая свой подход в пространстве системной теории культуры, автор опирается на теоретические выводы квантовой механики, нейрофизиологии и некоторых других предметных наук, умышленно избегая при этом традиционного подхода к проблеме в теологических, мистических, эзотерических, метафизических и философских дискурсах.

Bipartite article by A.A. Pelipenko is devoted to some questions raised by the paper of Yu.M. Reznik and connected with the problem transcendent and transpersonality. The article is based on author's concept of psycho sphere as area of interface and mediation between biosystem and anthroposystem, the author studies the deep foundations of person's need in transcendent and mental modes of appropriate cultural practices in the context of system evolution of culture and global trans-system connections. Basing on theoretical conclusions of quantum mechanics, neurophysiology and some other subject sciences, the author deliberately avoids the traditional approach based on theological, mystical, metaphysical and philosophical discourses.

Ключевые слова: трансперсональность, трансцендирование, психосфера, медиация, когнитивные паттерны, фрактал, дискретность, континуальность, нелокальность.

Keywords: transpersonality, transcendation, psycho sphere, mediation, mental patterns, fractal, discrecity, continuity, non-locality.

Проблемы, затронутые в статье Ю.М. Резника — не только традиционные, но и в известном смысле, «проклятые». Попытка разгадать загадку трансценденции — это то, над чем бьется человеческая мысль на протяжении всей своей истории, причем практические ответы на этот вопрос давались еще задолго по появления философской рефлексии. И когда последняя со своими метафизическими абстракциями за-

шла в тупик, естественным образом возникла потребность обновления дискурса путем обращения к соседним сферам: от естественных и гуманитарных наук до мистики, эзотерики и оккультизма. Результаты таких «вылазок» весьма разнообразны, но важно уже то, что бастионы механистического рационализма академической науки стали давать трещины, и игнорировать очевидное стало намного труднее.

Мысль автора пытается обжить пространство между традиционным философским дискурсом и языком нетрадиционных направлений, прежде всего трансперсональной психологии и некоторых других, мирясь с возникающей при этом эклектикой. Однако, сами поставленные в статье проблемы настолько важнее и масштабнее формальных особенностей научного стиля Ю.М. Резника, а интуиции автора настолько глубже «уровня слов», что наиболее интересной темой для рассуждения представляются именно идеи, а не текст.

Основные вопросы формулируются просто: возможна ли перцепция за пределами нейродинамической системы человека? Возможно ли *практическое* достижение трансцендирования за пределы физических и культурно-антропологических границ сознания и если возможно, то при каких условиях и в каких психо-сенсорных режимах? Что конкретно дает человеку трансцендирование и выход в трансперсональное пространство?

Чтобы ответить на эти столь незатейливые на первый взгляд вопросы. Необходимо создать целую теорию, что, впрочем, пока никому не удавалось. Попробую, тем не менее, предложить некоторые тезисы, лишённые, ввиду краткости статьи, должных обоснований. Главной задачей здесь будет обозначение подхода к поставленным проблемам с позиций смыслогенетической теории культуры без традиционных обращений к метафизическим, теологическим, мистическим и эзотерическим постулатам.

Если принять теорию Большого Взрыва и пульсирующей Вселенной (а оснований для этого, вроде бы, достаточно) (см. прим. 1), наиболее фундаментальным динамическим началом бытия оказывается дуализм *интеграции (генерализации) и фрагментации (локализации)* (см. прим. 2). Соединяясь в ритмических пульсациях, эти противонаправленные силы организуют все доступные нашему восприятию процессы во Вселенной. Заданные импульсом Большого Взрыва, процессы разбегания, дивергенции, сепарирования, радиации сдерживаются и компенсируются действием сил «реликтового» единства, «памятью» о первичном не-дуально-целостном бытии (если сингулярное состояние можно назвать бытием). Интегративные силы устремлены к преодолению фрагментации и возврату Вселенной в холономное состояние.

Борьба между этими силами пронизывает все уровни существования, инициируя процессы возникновения и развития систем. Контрапункт интегративных и дезинтегративных сил рождает дуализм двух типов связей: *когерентных и каузальных*, которые в своем диалектическом взаимодействии образуют два полямизирующих между собой модуса реальности. Пересекаясь, они отражаются друг в друге благодаря вовлеченности в общие ритмические отношения.

Понятие когерентности здесь трактуется в смысле, приближенном к первоначальному: *co-haerentia* — внутренняя связь. Под когерентностью понимается *независимая от времени корреляция / согласование онтологических модусов* любого рода объектов / явлений, берущая начало от уровня квантовых состояний, а возможно и глубже. В своей атемпоральности когерентности противопоставляется каузальности как свя-

зи, развернутой во времени. С противоборством центробежной (дизинтегративной) и центростремительной (интегративной) сил – от микроуровня, с его испусканием и поглощением виртуальных частиц, до «грубо» физического и психического уровней и далее вплоть до метagalactic – связан и феномен *ритма* в его всеохватной фундаментальности.

С одной стороны, такты ритма формально связаны между собой временной последовательностью, которую можно трактовать как причинно-следственную (каузальную) связь. С другой же стороны, универсальная повторяемость ритма, согласованность «вложенных» друг в друга ритмических вибраций продуцирует когерентное начало. Глубинная ритмическая согласованность внешне разнородных и разноразноуровневых феноменов обеспечивает их акаузальное со-осуществление в когерентной взаимообусловленности.

Пронизывающая Вселенную ритмическая согласованность – это вынужденная замена утраченного в результате Большого взрыва холодноумного единства. Благодаря ритмическим скрепам всеобщей когерентности фрагментарность и автономность «разбегающихся» онтологий всегда оказывается относительной, неполной. Так, «реликтовая память» о холодноумном состоянии, предшествующем Большому Взрыву, указывает на модус бытия, определяемый интегративно-центростремительной силой. Говоря о центростремительности, я не имею в виду стремление к некоему точно фиксированному во времени и пространстве центру. Речь идет о присущей всем локальным образованиям во Вселенной интенции к центробразованию, т.е. структурированию по принципу *центр – периферия*, где фокус интенциональных связей (центр) уравнивает силы разбега и бесконечного дробления. Процесс фокусировки здесь может быть представлен на основе картины образования интерференционных паттернов – точек «турбулентии», возникающих в результате столкновения и наложения частотных волн и рождающих тем самым из интенционального «ничто» субстанциональное *нечто*. Образующиеся в таких точках относительно устойчивые во времени «вихри» располагаются в интерференционный узор – точечный костяк будущей структуры,

Интенциональность по сути своей соприродна волновым колебаниям, а возникновение дискретных образований элементов структуры – интерференционному эффекту. Однако погружаться в анализ этих аналогий нет необходимости. Главное – не упускать из виду гомоморфность процессов, протекающих на разных уровнях реальности.

Первичность интенциональности (это понятие, напомню, является одним из ключевых в статье Ю.М. Резника) по отношению к субстанциональности объясняется тем, что первая есть *не завершенная онтология*, нечто располагающееся между неким «намерением», чистой устремленностью и наличным локальным исполнением в материале. Любой «чтоности», т.е. онтологической определенности, предшествует направленность в ее сторону некоего интенционального вектора, потенциально способного реализоваться в наборе вариантов, одни из которых, воплощаясь, рождает онтологию сущего. Интенциональность, таким образом, связывает потенциально-вероятностный и онтологический планы бытия, будучи соприродна и сопричастна им обоим. Под этим углом зрения онтология как таковая представляется концентрацией интенций, точкой пересечения (интерференцией) несопадающих направлений, которая именно ввиду этих несопадений, «притормаживается» и

фиксируется в виде субстанции. Иными словами, фокусирование интенциональных векторов рождает некую относительно константную их диспозицию, которая и образует основу внутренней конфигурации всякой вещи, обнаруживающей себя в том или ином материале. Но, физическая конечность, «замкнутость» вещи, «окончателность» ее эмпирической оболочки не останавливает ее внутреннюю интенциональную динамику: не только любые референции о цели или функции вещи, но и даже дрейф смысла под ее внешней оболочкой – проявления неостановимого самодвижения интенциональных энергий, в чей космический танец вовлечены все вещи и структуры, включая и психический аппарат смыслопорождения.

Можно сказать, что потенциальное, или холономно-нерасчлененное бытие, проецируясь из свернутого (когерентного мира) и осуществляясь в мире эмпирическом, оказывается «расплюснутым» и разъятым во времени. А силой, сохраняющей взаимопритяжение темпорально разъятого со-осуществления и является *интенциональность*.

Но приторможенная в материале интенциональность (онтология) есть отрицание чистой направленности. Это ее, говоря языком диалектической логики, инобытие, т.е. превращенное качество существования. Сгустки интенциональных энергий, овеществленные по поводу актуализации какой-либо из множества заключенных в них потенциалов, есть перевод самой этой потенциальности из синхронно-когерентного плана в план темпоральной процессуальности и, следовательно, каузальности. Синхронность предсуществования бесчисленного количества возможностей посредством актуализующейся интенциональности преобразуется (уплощается) в растянутое во времени физическое бытие, которое по мере «затвердевания», кристаллизации структур, обретения ими онтологической определенности (самости) все более погружается в темпоральную процессуальность с ее причинно-следственными зависимостями. Но сами интенциональные энергии не затухают, будучи заперты в онтологической оболочке вещи. Они продолжают свое незримое бытие, пронизывая мир ставших и единичных вещей «флюидами» бесконечного становления, задавая мелодии для неостановимой хореографии структур.

В этой связи нелишне напомнить, что никакая онтология не является окончательной. Любые структуры, начиная с материально-вещественных, рано или поздно распадаются: различия – лишь во временных отрезках, на протяжении которых интенциональные энергии тормозятся и фокусируются в этих структурах, не говоря уже о возможности «подхватывания» их новыми интенциональными векторами. И потому, несмотря на пренебрежительно малую по сравнению с психическими и социокультурными процессами, скорость изменения «фундаментальных онтологий», фундаментальность эта остается условной, а онтология никогда не окончательна. Но и мир бесконечной потенциальности, мир интенциональных потоков также не есть нечто метафизически неизменное, каковым его представляли под именем Духа богословы и философы. (Провидение, воля, жизненный порыв, устремленность и т.п. – все это ярлыки, обозначающие интенциональность с различной акцентуацией.) Однако трансцендентность мира чистых интенций миру наличных онтологий (единичных вещей) делает всякие рассуждения об этой изменчивости слишком умозрительными и гипотетическими. Тем не менее, без такого рода гипотетических суждений в данном исследовании не обойтись. Во всяком случае, можно вполне определенно утверждать, что данная нам эмпирически интенциональность выступает

медиатором, связующим и передаточным звеном между многомерным миром возможностей и уплощенным миром локализованной в пространственно-временном континууме действительности. При этом интенциональность не только и, быть может, даже не столько разделяет эти миры, сколько указывает на их взаимосвязь, взаимоприсутствие друг в друге.

Таким образом, интенциональность и субстанциональность образуют диалектическую дихотомию «метафизических» начал, являя тем самым относительность принципа *дуализма*. На квантовом уровне это дуализм/единство волны и частицы, на биологическом – столь же относительный дуализм гена-вещества и гена-поля (см. прим. 3). В дальнейшем мы увидим, что все эти, казалось бы, совершенно отвлеченные и далекие от гуманитарных вопросов умопостроения, в силу универсальности законов сущего, имеют самое непосредственное отношение к морфологии культуры.

С дуализмом интенциональности и субстанциональности сопряжен и универсальный дуализм *дискретности* и *континуальности*. Дискретизация, если так можно выразиться, интенциональных потоков на «сгустки» автономных онтологий, с их последующей деструкцией и повторным растворением в потоках энергетических направленностей, – фундаментальный алгоритм структурообразования. И если на глубинном онтологическом уровне дуализм дискретного и континуального обнаруживает свою иллюзорность (вспомним, условность дуализма волны и частицы), то на более «грубых» уровнях структурообразование приобретает вид процесса, связывающего изначально разрозненные и дискретные точечные узлы будущей структуры, неявно угадывающиеся в глубине исходного материала, с завершенным, онтологически полноценным образом этой структуры. Образования на любых онтологических уровнях возникают не путем «ползучего» присоединения элементов к некой основе, а путем симультанного вспыхивания нового типа связей между дискретными элементами, после чего возможно дальнейшее преобразование этих элементов в соответствии с требованием новых связей и функций. Дискретизация, выпадение чего-либо из континуальной связанности, начинаясь с ритмических сбоев, инициирует любого рода изменения, как конструктивного, так и деструктивного характера. Или, иными словами, предпосылкой всякого рода изменений служит дискретизация, онтологическое обособление элементов от данной в той или иной модальности всеобщей связи на основе ритмических дисфункций.

Не впадая в редуционизм, можно сказать, что дискретные элементы оказываются наименее устойчивы (жизнеспособны) в ситуации максимального отпадения. Когда же они «подхватываются» новыми интенциональными векторами, их онтологическая локальность оказывается отчасти уравновешена вовлеченностью в континуальность новых структурных связей. В этом контексте и разворачивается диалектика становления. Так, становление человеческого сознания разворачивается в диалектике континуальности психического потока и дискретности актов мышления.

Особенно важно отметить, что диалектика дискретного и континуального происходит на всех без исключения структурных уровнях: непрерывность интенционально-энергетических векторов и связей диалектически «полемизирует» с дискретностью входящих в структуру элементов. При этом сама структура, являющая внутри себя континуум, извне представляется как дискретный элемент структуры (системы) более сложного порядка.

Идея всеохватного интегративного начала оформилась в концепции *универсальной связи*, на квантовом уровне охватывающей все сущее во Вселенной. (На языке квантовой физики такая связь называется нелокальной.)

«...Вселенную нельзя, строго говоря, расчленять на резко разграниченные части. Наоборот, ее следует рассматривать как неделимую единицу, а представление об ее отдельных частях может быть хорошим приближением только в классическом пределе» [1, 196].

«Современные достижения космологии все более настойчиво подталкивают нас к выводу, что условия нашей повседневной жизни не могли бы существовать в отрыве от далеких частей Вселенной, и если бы эти части каким-то образом были изъяты, то все наши представления о пространстве и геометрии моментально утратили бы свой смысл. Наш повседневный опыт, до самых мельчайших деталей, настолько тесно связан с крупномасштабными параметрами Вселенной, что невозможно даже представить себе, как одно могло бы быть отделено от другого» (см. прим. 4).

Если к многочисленным научным определениям этой связи, начиная со старомодного термина *эфир* (см. прим. 5), и далее – Природного разума (Э. Митчелл), *квантовой голограммы* (М. Каку), матрицы сущего (М. Планк) и др., добавить и определения, которыми изобилуют религиозные и мистические источники, то и в этом случае мы не охватим всего разнообразия форм выражения идеи всеобщей связи. Не стану отвлекаться на пересказ доказательств наличия универсальной связи в современных физических теориях: при желании с ними можно познакомиться, обратившись к соответствующей литературе (см. прим. 6).

В нашем дискурсе понятие универсальной связи дополняется определением «эмпатическая». Связано это с тем, что внешне разрозненные элементы сущего связаны не формальной механической связью, как то представлялось в механистической картине мира классического рационализма, а находятся между собой в отношениях эмпатии – взаимного воздействия на разных онтологических уровнях.

Приведу лишь одно из множества научных подтверждений. В ходе эксперимента В. Попонина и П. Гаряева было исследовано воздействие молекулы ДНК на поведение фотонов. Наблюдаемые в вакуумной трубке, они выстраиваются в соответствии со структурой помещенной туда молекулы человеческой ДНК и сохраняют эту структуру после ее удаления из трубки (см. прим. 7).

Из этого же ряда и т.н. зеркальный цитопатический эффект (живые клетки, разделенные кварцевым стеклом, обмениваются стратегической регуляторной информацией) и давно известный эффект «перерождения» верхних молекулярных слоев вещества при длительном контакте с другим веществом на «простом» физическом уровне, и неоспоримо доказанное свойство воды и других жидких субстанций нести и предавать информационные коды, и способность человеческих эмоций воздействовать на расстоянии на образцы ДНК (см. прим. 8), и многое другое, от чего академическая наука с упорством, достойным лучшего применения, продолжает отмахиваться.

Через концепцию всеобщей эмпатической связи может быть понят и феномен всякого рода целеполагания. Цель оказывается ничем иным, как стремлением восстановить утрачиваемую когерентную связь, реакцией на расплющивание, растяжение во времени сетевой синхронности элементов сущего. И потому нет ничего удивительного в том, что телеологию обнаруживают и в биосистеме, и в физической Вселенной. Однако разница между «телеологией» природной и человеческой состо-

ит в том, что природная цель детерминирована восстановлением уже налично выраженной (эмпирически данной) связи, выраженной в форме генетически закреплённых и универсально повторяющихся сценариев поведения живых существ, тогда как цель в культуре предполагает ключевую роль субъективной воли, т.е. инстинкта со сбитой настройкой. Потому-то в культуре стремление к восстановлению прежних, нарушенных в ходе антропогенеза сетевых когерентных связей приводит не только, а по мере развития культуры уже и не столько к такого рода восстановлению, сколько к формированию *новых связей*. И связи эти все более явственно обнаруживают себя в становящемся человеческом сознании как связи не *когерентные*, а *каузальные*. Так мучительно формирующееся человеческое сознание адаптируется не столько к внешней физической среде, сколько к новому уровню разрыва оболочки всеобщей когерентной (эмпатической) связи в мире.

В этой связи, на первый план выходит проблема *медиации между автономизирующейся человеческой ментальностью (самостью) и системно иерархизированным внешним миром (космосом)*. И культура, начиная с самых первичных, точечных форм своего существования, *решает прежде всего, не адаптационные, а медиационные задачи*.

Решая двойную проблему: построение гипотезы взаимоотношений когерентного и каузального миров вообще и выявления характера этого соотношения в зоне сопряжения (медиации) биосистемы и культуры, с необходимостью вводится понятие *психосферы*. Употребление понятия психосферы на сегодняшний день весьма произвольно и ситуационно (см. прим. 9), и потому стремление придать ему статус научного термина представляется вполне обоснованным.

Если прямо задать вопрос: *что* такое психосфера, то ответить на него столь же прямо и кратко не удастся. Дело в том, что психосфера онтологически восходит к столь глубинным и фундаментальным для человека уровням бытия, что любые языковые определения будут так или иначе ограничены, неполны, частичны. Психосфера – это и образ пространства, области проявления особого рода явлений и даже в нестрогом смысле, поля. Под другим углом зрения, психосфера – это канал связи, устройство фильтрации и преобразования кросс-системных ритмов, импульсов и регулятивов в воспринимаемые человеком формы. Это и своего рода мембрана, преобразующий контур, конвертирующий интенциональные импульсы когерентного мира на «перевалочном пункте»: психика – сознание.

В большинстве своих наблюдаемых проявлений психосфера выступает связующим звеном между биосистемой и антропосистемой, и, будучи причастной им обеим, обеспечивает эпигенетическую преемственность макроэволюционного процесса.

Обнаружение психосферы в зоне сопряжения биосистемы и антропосистемы – всего лишь *частный случай, глобального медиационного процесса, протекающего на всех онтологических уровнях и во всех вовлечённых в эволюционный процесс системах*. Мы же имеем дело лишь с тем «локусом» психосферы, который обнаруживает всеобщую нелокальную эмпатическую связь в той модальности, которая доступна человеческому восприятию. А модальность эта, в свою очередь, определяется тем, что материнской системой для культуры выступает биосистема, и любые воздействия, исходящие от «нижних» ступеней системно-эволюционной пирамиды, обнаруживают себя лишь будучи пропущены сквозь фильтры биоструктур. Однако, нелокальность когерентных связей потому и не локальна, что не знает системных перегородок, а пронизывает материал системных образований, лишь преобразуясь в нем, меняя

формы и модальности. Это значит, что психосферные явления коренятся не в биосистеме как таковой, а всего лишь ею опосредуются. А проходя через смыслообразующий контур человеческой ментальности, они приобретают дополнительный уровень опосредования. Как в свое время всеобщая интенциональная связь преобразовывалась, будучи пропущена через «фильтр» нервной системы живого организма, так в ходе вертикального эволюционного перехода она прошла через еще одно преобразующее «устройство» – становящуюся человеческую ментальность, сохранив, однако, свою глубинную субстанциональную основу.

От опосредующих фильтров не свободно ни психо-сенсорное восприятие, ни акты культурного сознания. Прямое восприятие феноменов «свернутого мира» в обход сознания в принципе возможно, но для выражения полученного в результате такого восприятия опыта (достижимого, как правило, на путях изменения состояния сознания), без культурных кодов и, следовательно, участия сознания, не обойтись. Вожденное для всех без исключения эпох прямое восприятие (достигаемое на путях трансцендирования), дающее, соответственно прямое знание-переживание о разных, т.е. не только биосистемных уровнях реальности, без каких-либо фильтрующих и отчуждающих опосредований, в обход культурного сознания, остается своего рода «черным ходом», «атавизмом», который Культура старательно преодолевает, но никогда не может победить до конца. Не случайно, взлеты спиритуализма и прорывы к прямому интуитивно-холистическому мировосприятию происходят, как правило, в переходные и кризисные эпохи, когда нормативность традиционных систем кодификаций ослабевает, и культурное сознание частично освобождается от диктатуры знака.

И хотя полностью перекрыть каналы «прямых включений» в трансцендентное никогда Culture не удастся, она стремится взять под максимальный контроль получаемый в результате таких включений опыт, т.е. позволить ему проявиться только в формах, опосредованных отчуждающими дискретно-линейными сукцессивно-каузальными когнитивными процедурами, многослойными знаковыми опосредованиями, принимающими на себя энергию прямого экзистенциального переживания. Эти левополушарные в своей нейрофизиологической основе практики подменяют, в конце концов, прямое довербально-интуитивное знание вторично сконструированным дискурсивным суррогатом, который, постепенно выходя на главенствующую позицию, становится и способом, и самим содержанием самоопределения человеческой идентичности: как коллективной, так и индивидуальной. Причем, полная победа такого положения дел случилась лишь один раз и в одном месте: в культуре европейского Модерна и на его периферии. Во всех без исключения иных культурах психосферные явления, отвергаемые классической новоевропейской наукой, понимаются как само собой разумеющийся компонент бытия, тогда как для европейского интеллекта означенный суррогат – единственная форма достоверного знания.

Человек и Культура онтологически самоопределяются и коэволюционируют в процессе медиации когерентного и каузального миров через взаимопричастность к психосфере и психосферным явлениям. Но психосфера существует не сама по себе, как изначально пустое и чем-либо наполняемое пространство. Как модальность всеобщей кросс-системной связи, она сама *онтологически конституируется* за счет разворачивания антропосистемы. При этом вопрос о первичности и вторичности неуместен: было бы странно, если бы здесь работали простые причинно-следственные зависимости.

Картина осложняется еще и тем, что психосфера так таковая не имеет ясно очерченных границ. Психизм как проявление интенциональных воздействий на основе универсальной (нелокальной) эмпатической связи присущ (и это не мистика!) всем структурам Вселенной, включая неорганические образования, живые организмы и группы клеток. Элементы психизма наблюдают также и в «поведении» групп атомов и квантовых частиц. Все это тоже проявления психосферы, хотя с человеческой позиции могут показаться лишь ее преддверием; ведь только в антропосистеме достигается такой уровень автономности и отпадения от всеобщей связи — дискретности и самодостаточности форм и структур, который требует *качественно иного* уровня и характера медиации. *Эволюционная перестройка природного психизма на такую медиацию и порождает психосферу в ее собственно человеческом измерении и в границах, охватываемых человеческим сознанием.*

Психосферные явления — это, прежде всего проявления не дискретных феноменов, а *интенций*, ибо *интенциональность* — ключевое понятие для обозначения не только межсистемной, но и полимодальной связи всего сущего. Под полимодальной связью, как можно догадаться, понимается весь спектр медиационных связей и отношений между потенциальным (свернутым по Д. Бому) порядком когерентного мира и миром актуализованного и потому «распластанного» в пространственно-временном континууме бытия, обретающего себя в каузально-сукцессивных координатах. Причем особенно важно, что психосфера как специфическая область проявления нелокальной эмпатической связи, представляет собой не какой-то *отдельный вид*, а именно модальность связи *всеобщей*, холономной, берущей начало, по меньшей мере, с квантового уровня. А характер и «границы» этой модальности, как уже говорилось, определяются возможностями эмпирического восприятия человека. Каковы они в усредненном психо-сенсорном режиме и насколько они способны расширяться — отдельный вопрос.

Для построения гипотезы психосферы необходимо и достаточно иметь смелость отказаться от изначального согласования ее базовых предпосылок с имеющимися научными парадигмами, и принять за основу сумму ее прямых и косвенных проявлений, которые традиционные научные парадигмы не объясняют. Причем, проявления эти не относятся исключительно к сфере психического в узком его понимании. Они имеют отношение ко всем аспектам человеческого бытия. Психика же — лишь принимающее и перерабатывающее (кодирующее и декодирующее) устройство, чувствилище, способное в том или иной диапазоне воспринимать, переживать и фиксировать проявления психосферы (см. прим. 10). Поэтому, проявления эти рассматриваются здесь, прежде всего, не в психическом или психологическом аспекте, а в теоретико-культурном.

Итак, речь пойдет о *комплексе проявлений межсистемной медиации, для проявления природы которой вводится концепт психосферы*. При этом большая часть связанных с данным комплексом феноменов и явлений оказывается за пределами адекватного постижения в традиционных рационалистических дискурсах. Это, прежде всего:

- *экстрасенсорная перцепция* (феномены восприятия);
- *психокинез* (феномены воздействия);
- *феномен психофизического дуализма — субстанциональная несводимость любого отдельно взятого феномена к его эмпирической «оболочке»*. Наиболее значимым про-

явлением этого дуализма в Культуре (разумеется, с определенного исторического времени) выступает проблема души.

Экстрасенсорная перцепция включает в себя такие проявления как:

– *ясновидение* – перцепция удаленных объектов или явлений без участия каналов обычного чувственного восприятия;

– *телепатия* – считывание мыслей (мыслеформ) и психических образов без участия сенсорных каналов;

– *эффект прямого знания* – универсально распространенный в культуре феномен внезапной перцепции, проявляемой также и на нелокальном уровне, т.е. в отношении объектов, недоступных эмпирическому восприятию;

– *невербальная суггестия*, в терминах экологической этологии – невербальный гипноз [2];

– *индуцируемые состояния* и «эпидемии идей» – феномен бессознательной массовой или групповой (не говоря уже об индивидуальной) вовлеченности в поле психических воздействий определенного характера (как частный случай – идей определенного содержания) и сверхзависимости от последних вопреки любым рациональным противодействиям в виде осознания своих убеждений, интересов и т.п. «Эпидемии идей» с их наиболее яркими воплощениями в виде массовых психозов были бы не более чем частным проявлением психосферы, если бы при чуть более пристальном взгляде не становилось очевидно, что глубинная экзистенциальная зависимость человека от тех или иных смысловых комплексов является его универсальной культурно-антропологической и метаисторической характеристикой. Со своей стороны, и психиатрия признает, что склонность к индукции – неустранимое антропологическое свойство человека;

– *эйдетизм* – особый режим перцепции, переживания и воспроизведения информации, основанный на «атавистическом» правополушарном «схватывании гештальтов» с предметно-галлюцинаторной остротой и точностью. В этот, обладающий глубоким внутренним родством комплекс феноменов включаются также и различного рода внетелесные переживания, медиумизм, реинкарнационные перцепции (см. прим. 11) и разнообразные комбинации и разновидности всех вышеперечисленных проявлений;

– *прекогниция* – предвидение (предсказание) будущего, главным образом, в режимах измененных состояний сознания – снах, трассовых состояниях и иных формах визионерского опыта;

– *ретрокогниция* – перцепция событий прошлого, недоступных по каналом обычного знания.

Психокинез (телекинез, психоэнергетика) – воздействие сознания (хотя и не в меньшей степени, бессознательной сферы человека) на физическую, биологическую или физиологическую систему. Здесь важно отметить, что явным образом выбивающиеся из обыденных представлений о психических возможностях человека проявления психокинеза – это не более чем видимая и притом ничтожно малая часть континуума взаимодействий, осуществляемым по каналам психосферной медиации. Исследование этой сферы уместно было бы начать с микроуровней (см. прим. 12) и явлений, аналогичных приведенному примеру о воздействии человеческих эмоций на молекулу ДНК.

Сферой проявления психокинеза (см. прим. 13) выступают, прежде всего, магические практики, широко и разнообразно представленные во всех без исключе-

ния культурных системах. Кроме того, в современности описываются и исследуются психокинетические эффекты, не имеющие отношения к магическим традициям (см. прим. 14). Занимается подробной систематикой и классификацией феноменов ЭСП и психокинеза в данном контексте не имеет смысла, поскольку нас интересует не рационалистическое объяснение этих феноменов как таковых (см. прим. 15) в рамках принятых научных парадигм и не отношения этих феноменов друг к другу, а эскизное построение общей для них всех модели теоретической интерпретации. Поэтому установление внутреннего родства этих феноменов представляется более важным, чем классификации по внешним проявлениям.

Кроме того, за рамками рассмотрения окажутся и разнообразные виды психических расстройств: галлюцинаторно-бредовые синдромы, патологическое фантазирование, парафренные состояния, массовые психозы и другие психопатические состояния, границы которых с экстрасенсорной перцепцией часто предстают весьма размытыми. Эти феномены, фрагментарно попадая по ходу исследования в поле нашего интереса, будут рассматриваться не со стороны психиатрии, а исключительно как ментально-культурные феномены.

За пределами сферы психического в его общепринятом (узком) понимании лежит и возникновение в ментальном и культурном пространстве своеобразных «узлов притяжения» — условно дискретных агентов незримых когерентных связей, которые выделяются и «мерцают» в эмпирическом (каузально-темпоральном) мире за счет более высокого уровня вероятности их в нем осуществления. (Здесь напрашивается некоторая аналогия с синергетическим понятием аттрактора, которая, впрочем, не является обязательной. Вообще, нижеследующая модель представляет собой не столько полемическую альтернативу синергетике, сколько взгляд на самоорганизационные процессы в несколько ином ракурсе.)

Итак, чтобы рассмотреть означенные явления в рамках единой гипотезы, необходимо представить себе механизм (не подходящее слово!) медиации между когерентным и каузальными мирами, проявляющий себя через явления психосферы. (Вряд ли необходимо уточнять, что мир, который мы называем когерентным или миром свернутого порядка — это тот мир, который в расхожем словоупотреблении называется «тонким» или «параллельным». Однако следует помнить, что когерентный мир является человеку не напрямую, а посредством психосферной медиации, т.е. образы и мыслеформы «тонкого мира» — это не прямая проекция запредельной реальности, а всегда результат ее кодового опосредования культурным сознанием.)

Уже сам этот подзаголовок может вызвать вполне справедливую скептическую усмешку. Ведь речь идет о том, чтобы увидеть невидимое и описать неопишваемое. Когерентный мир, присутствуя в каждой клеточке бытия, отражается в сознании смутно, фрагментарно и подчас в многослойно опосредованном виде. Потому, и догадки о его природе не могут простираться дальше столь же смутных и фрагментарных гипотез. Но и они могут немало прояснить в жизни человека и культурных систем. При этом, я намеренно не стану одалживаться у современных физических, космологических и вообще каких-либо естественнонаучных теорий, ограничиваясь, по возможности, инструментарием общегуманитарного дискурса.

Мир потенциальный, мир «абсолютной когерентности» — это мир «нераспакованный», лишенный пространственно-временных координат. Мир каузальный — это мир «распакованных» актов существования в пространственно-временном континууме:

каузальность возможна лишь в среде пространственно-временных отношений. *Интенциональность, направленная энергичность — универсальная форма медиации между мирами; интенциональная устремленность — это не что иное как «дистанция» между потенциальным и актуальным бытием, промежуточное состояние между распакованным и нераспакованным существованием, характеристики которого, в конечном счете, определяют степень вероятности и формы актуализации в физическом мире того или иного свернутого паттерна.*

В этом смысле, и *идеация* в гуссерлианском понимании, как способность к формированию и восприятию идей в силу направленности сознания на «всеобщее» («априори», «эйдос», «сущность») — частное проявление всепроникающей и безграничной интенциональности, связывающей все сущее во Вселенной. Осознавая спекулятивность данного утверждения, обязуюсь впредь как можно меньше выходить за рамки означенного «частного случая», хотя делать это по разным поводам придется. Но и в этих границах простирается необъятный космос, реальность которого проступает в нашем мире лишь в виде смутных контуров. И знаменитые синхронизмы по Юнгу — это всего лишь слабые отблески незримых процессов, протекающих за гранью привычных координат восприятия; немногим более существенные, чем бытовой эффект дежа вю.

Итак, *интенциональность понимается как «реликтовая» сила притяжения между агентами когерентной связи, «помнящая» о холономной между ними слитности в атемепоральном мире и стремящаяся актуализовать эту связь вновь.* «Вновь» — значит реализовать эту связь в мире, где существуют темпоральные различия, т.е. холономная нелокальная связь оказывается спроецированной, «растянутой» в дискретно-линейные цепи каузальных зависимостей и процессуальных длительностей. При развертывании свернутого порядка, актуальность холономной связи обращается в потенциальность, а потенциальность наличного, эмпирического бытия, — наоборот, преобразуется в актуальное существование. Иными словами процесс развертывания имплицитивного порядка выражается, в частности, в том, что внутреннее разделение, растождествление холономных, если так можно выразиться, «объектов» порождает *время*, которое, «вклиниваясь» между агентами связи, порождает сукцессивную процессуальность как всеобщую возможность эмпирического (развернутого) бытия.

В своем эмпирическом измерении интенциональность — продукт противоборства каузального и когерентного начал, ситуационно-динамический паллиатив между ними. С одной стороны, интенциональность как «направленность на...» априорно имплицитивует некое когерентное со-осуществление, но с другой, разводит компоненты когерентной связи по разные концы временного отрезка и тем самым вносит в со-осуществление момент *причинно-следственной обусловленности*. А это, в свою очередь, открывает возможность *замещения или изменения агентов когеренции*. Таким образом, исходное «ядро» акта когеренции, его изначальная конфигурация расслаивается на нелинейное множество вариантов осуществления, где, переводя на уплощенный язык бытовой эпистемологии, содержание когерентной компоненты связывается с ответом на вопрос *что*, а каузальной — *как*? Впрочем, отделение этих вопросов друг от друга — сильная уступка аналитической привычке: в каждом акте бытия, они нераздельны и диффузно слитны. Можно сказать, что изначальный субстратный паттерн по мере своего интенционально обусловленного «продвижения» к

осуществлению, т.е. «из глубины» встраиваясь в контекст конкретных обстоятельств эмпирического мира, расслаивается на множество вариантов своего воплощения.

Не следует, однако, представлять интенциональность в виде ниточек, механически связывающих некие дискретные и инертные элементы. Сами эти элементы – суть сгустки интенциональных энергий, «приторможенные» интерференционным эффектом и угодившие вследствие этого в каузально-темпоральные ловушки. Впрочем, лишь благодаря этим ловушкам и открывается возможность образования каких-либо устойчивых во времени структур. Поэтому интенциональность действует *не между* элементами структур, а *через и сквозь них*. Ни один из элементов какой-либо структуры не существует сам по себе, вне многоуровневой системы интенциональных волн, пульсаций и резонирования, ибо он есть не более чем относительно устойчивый во времени фокус этих самых интенций. Онтологическое его отличие от «свободно» существующей интенциональной волны состоит в том, что он, будучи связанной, т.е. воплощенной формой пучка интенций, приобретает свойство относительно самостоятельного агента когерентных отношений. Он предстает таким узелком сущего, за который «цепляются» всепроникающие энергетические потоки и меняют в связи с этим количественные и качественные характеристики своей интенциональности и как следствие – ее направленность. Поэтому, чем сложнее структура, тем больше вариативный разброс между возможностями осуществления внутренних взаимодействий образующих ее элементов. Соответственно, возрастает и количество вариантов потенциальных *внешних* взаимодействий.

Исходя из всего сказанного, можно заключить, что в рассуждениях о психосфере необходимо учитывать, по меньшей мере, два ключевых обстоятельства:

– психосфера состоит не из локальных онтологических единиц, а представляет собой континуум всепроникающих интенций, лишь условно локализованных в той или иной пространственно-временной точке. Поэтому, феномены психосферы нельзя «пощупать», т.е. свести к сумме эмпирических проявлений. Судить о них можно лишь на основании тех косвенных изменений, которые они производят в мире относительно статичных онтологических величин;

– всеобщая эмпатическая связь, лежащая в онтологическом основании психосферы, дана человеку в модальности психофизиологических и ментальных явлений, т.е. обнаруживает себя в сопряжении природной и культурной сфер. При этом под сопряжением понимается не только однажды совершившийся вертикальный эволюционный переход, а постоянная зона межсистемной медиации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бом Д. Квантовая теория. М., 1965.
2. Krebs J.R., Davies N.B. Behavioral Ecology: An evolutionary approach. Oxford, 1986.

Примечания

1. Теория Большого Взрыва, как известно, не является общепризнанной. Впрочем, ожидать появления общепризнанной на основе абсолютной доказанности космологической теории, по-видимому, не приходится. Тем не менее, именно теория Большого Взрыва на сегодняшний день является наиболее авторитетной и вызывающей наименьшее количество возражений, поскольку при всех нерешенных вопросах, она по своим объяснительным возможностям превосходит другие. И к тому же, поскольку приводимые здесь общетеоретические выводы из теории Большого Взрыва минимально затрагивают ее собственные обоснования, то они оказываются достаточно валидны даже с учетом возможных естественно-научных корректив.

2. Разумеется, речь не идет о простом редуцировании всех процессов Вселенной к этому дуализму. Речь идет всего лишь об одном из процессуальных аспектов ее жизни. Но важность именно этого аспекта для нашей реальности первостепенна.

3. «...независимыми методами подтвержден постулат Гурвича – Любищева – Казначеева – Дзян Кань-дженя о биополевом уровне геноинформации. Иными словами, дуализм совмещающего единства “волна-частица” или “вещество-поле”, принятый в квантовой электродинамике, оказался применимым в биологии, что и предсказывали в свое время А.Г. Гурвич и А.А. Любищев. Ген-вещество и ген-поле не исключают друг друга, но взаимно дополняют. Это естественно и логично, поскольку живая материя состоит из не живых атомов и элементарных частиц, которые и совмещают “паранормальным” образом эти фундаментальные свойства, но эти же свойства используются биосистемами в качестве основы для волнового энерго-информационного “метаболизма”» (*Гаряев П.П.* Волновая генетика как реальность. Институт квантовой генетики. М., 1995. С. 14).

4. *Hoyle F.* *Frontiers of Astronomy.* N.Y., 1955. P. 304. Из одних лишь кратких высказываний самых авторитетных авторов по поводу универсальной связи всего сущего можно было бы без труда собрать целую книгу.

5. Идея всеобщей симпатии, конечно же, значительно древнее. Так, учение о всепроникающей пневме восходит через флорентийских неоплатоников и естественной магии Ренессанса к пифагорейству, платонизму, аристотелизму, неоплатонизму и гностицизму,

6. См., напр.: *Канра Ф.* Дао физики. М., 2008.

7. Investigation of the Fluctuation Dynamics of DNA Solutions by Laser Correlation Spectroscopy // *Bulletin of the Lebedev Physics Institute.* № 11-12 (1992). P. 23-30.

8. Так, в контексте попыток системной иерархизации всех паранормальных явлений говорят о трехступенной психосфере, погружение в которую достигается с помощью особых психотехник. См., напр.: *Meck G.W.* *Healing and the healing process.* Madras, 1977 и др.

9. О человеческом мозге как о принимающем устройстве см.: *Pribram K.* *The Holographic Hypothesis of brain Functioning* // *Graf S.* (ed.) *Ancient Wisdom Science.* N.Y., 1984. P. 178; *Pribram K.* *Behaviorism, Phenomenology and Holism* // *The Metaphors of Consciousness.* Plenum Press, 1981. P. 148.

10. Помимо известных ЛСД-сеансов С. Грофа здесь можно отметить так называемый эффект Хупко-са, состоящий в психической актуализации следов прежних рождений в состоянии медитативного транса. См.: *Hupkas P.* *I have many lives.* Oxford, 1979.

11. Речь идет о хорошо известном в квантовой механике и упоминавшемся уже выше эффекте отсутствия у микрообъектов объективных свойств, независимых от аппарата измерения и, что особенно важно, в данном случае, от *сознания* экспериментатора. См. напр.: *Севальников А.Ю.* *Современные онтологические модели квантовой механики: философский анализ: Автореф. ... к.филос.н.* М., 1997. С. 7; *Determinismus, Indeterminismus: Philos. Aspekte phisikalischer Theoriebildung.* Frankfurt a. M., 1990. S. 49.

12. Среди отечественных публикаций на эту тему внимания заслуживают: *Дульнев Г.Н.* *Регистрация явлений психокинеза (телекинеза): оптические, электрические и акустические методы* // *Сознание и физическая реальность.* 1998. Т. 3. № 1. С. 58-67; *Дульнев Г.Н.* *Регистрация явлений психокинеза (телекинеза)* // *Сознание и физическая реальность.* 1998. Т. 3. № 3. С. 49-57; *Дульнев Г.Н.* *Регистрация явлений телепатии* // *Сознание и физическая реальность.* 1998. Т. 3. № 4. С. 71-76; *Любимов И.Н., Силин А.А., Гордеев С.А.* *Экспериментальное обнаружение экстрасенсорного (телепатического) сигнала* // *Сознание и физическая реальность.* 2001. Т. 6. № 1. С. 62-64; *Аблеев С.П.* *Практические исследования психической энергии и энергетических центров человека: некоторые результаты программы «Сириус»* // *Сознание и физическая реальность.* 2001. Т. 6. № 2. С. 51-61. и некоторые др.

13. *Jo Uphoff W.* *Mind over Matter.* Oregon, 1980; *The direct voice mediumship.* L., 1985 и др.

14. Этот более всего ожидаемый читателем подход череват либо апологетикой мистики и фрондерским отрицанием принципов научности, либо, напротив, «разоблачением черной магии».